

паремии, прецедентные феномены, включенные в состав заголовка в исходном или измененном виде, повышали читательский интерес. Зачастую именно они побуждали перейти от просмотрового чтения к полноценному знакомству с текстом.

Литература

1. Гусякова Н. В. Функционально-прагматический анализ заголовочных комплексов газетного дискурса в переходный период (на материале немецкого и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2008. С. 14.
2. Блисковский З. Д. Муки заголовка. М., 1981. С. 10.
3. Там же. С. 7.
4. Дейк ванн Т. А. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике:

Когнитивные аспекты языка. М., 1988. Вып. XXIII. С. 153–208; Богуславская В. В. Моделирование текста: лингвосоциокультурная концепция. Анализ журналистских текстов. М., 2008; Чернышова Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России. М., 2007; Караулов Ю. Н. Язык СМИ как модель общенационального языка // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: тезисы докл. междунар. науч. конференции. М., 2001.

5. Кузнецов И. В. Советская журналистика первых послевоенных пятилеток (1946–1958). М., 1987. С. 4.

6. Лютая А. А. Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2008. URL: <http://www.disserscat.com/content/sovremennyi-gazetnyi-zagolovok-struktura-semantika-pragmatika>

YE. A. PEROVA. LINGUO-PRAGMATIC POTENTIAL OF HEADLINES IN PUBLICATIONS FOR THE RURAL THEME (1950–1960-ies)

The author of the article summarizes linguo-pragmatic characteristics of headlines in publications for the rural theme during the period of the «Khrushchev thaw».

Key words: the «Khrushchev thaw», newspaper discourse, modality of the headline complex.

Е. Г. АВДЫШЕВА

КОНЦЕПТ КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА: К ПРОБЛЕМЕ ВЕРБАЛЬНО-ДЕРИВАЦИОННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Концепты, как известно, играют огромную роль при изучении языка и культуры народа – ментальности и системы ценностей, свойственной каждой конкретной культуре. Автор статьи рассматривает концепт как вербально-деривационное единство.

Ключевые слова: концепт, вербально-деривационное единство, деривация, языковая картина мира.

Сам термин «концепт» в лингвистике не нов, его введение в оборот относится к эпохе средневекового концептуализма (Т. Гоббс, П. Абеляр, У. Окам и др.). В современной гуманитарной науке этот термин стал очень актуальным, однако до сих пор не получил однозначного определения ни в словарях, ни в работах специалистов по лингвокультурологии и лингвоконцептологии.

Ю. С. Степанов указывает, что слово «концепт» (калька с латинского *conceptus* – ‘понятие’) является производным от глагола *concipere* (‘зачинать’) и буквально значит ‘поятие, зачатие’. «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [1]. Русский философ С. А. Аскольдов-Алексеев представляет концепт как «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [2]. По С. Г. Воркачеву, «любой концепт – это элемент определенной концептуальной системы носителя сознания как информации о действительном или возможном положении вещей в мире и в качестве такового связан со всем множеством других, действительных или возможных, «систем мнений», отражающих взгляды на мир» [3].

З. Д. Попова, И. А. Стернин определяют концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека,

обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [4]. Поскольку в данном случае концепт представлен как структура главным образом мыслительная, отсутствует указание на связь концепта и языка, по нашему мнению, такое определение сложно применять при исследовании комплексных вербальных структур, формирующихся путем интеграции различных единиц языка в единое целое.

По нашим наблюдениям, сложность и неопределенность концепта как специфического феномена обусловила множество его различных трактовок и интерпретаций в лингвистике. Например, такие, согласно которым концепт – это «единица мышления, обладающая отдельным целостным содержанием и реально не разлагающаяся на более мелкие мысли, т. е. элементарная сторона внутреннего слоя» [5]; «познавательная психическая структура, особенности организации которой обеспечивают возможность отражения действительности в единстве разнокачественных аспектов» [6]; «смыслы, составляющие когнитивно базисные подсистемы мнения и знания» [7].

По нашим наблюдениям, главным языковым механизмом и инструментом формирования концепта именно как языковой сущности выступает деривация.

Элементы деривационно-словообразовательного подхода к осмыслению природы концепта как языкового знака наблюдаются у Ю. С. Степанова («Константы. Словарь русской культуры»), который при изучении концепта предлагает последовательность следующих процедур:

- выявление этимона слова, т. е. исследование *дописьменной истории концепта*;
- изучение *корневой группы*, то есть группы слов, образованных от данного этимона;
- анализ основных *производных от данного корня* в диахронии (эпидигматические связи);
- исследование употреблений данных слов на синхронном уровне (синтагматические связи);
- выявление парадигматических связей анализируемого слова-концепта;
- сопоставление данного слова с аналогичным или близким словом-концептом в других языках.

Л. Ю. Буянова, предложившая языковую теорию концепта, считает: «Для нас принципиальным является языковой статус концепт <...> В языке в процессе его длительной эволюции, концептуализации и категоризации мира репрезентируются как единое целое логико-понятийные, мыслительные, ментальные и вербальные сущности (аспекты) человеческого сознания, семиотические механизмы деятельности которого еще до конца не выяснены <...> Мы считаем, что в парадигме современной лингвоконцептологии должна занять свое место и предлагаемая нами трактовка концепта как сложного *вербально-деривационного* единства, содержанием которого выступает вся совокупность тех имеющихся в языке смыслов, которые так или иначе связаны со всеми *однокоренными* словами той или иной лексемы, являющейся *именем концепта*. При таком подходе языковая картина мира предстает структурированной не только по *тематическому* принципу, с которым соотносятся, как нам кажется, все имеющиеся в лингвистике определения концепта, но и по *деривационно-генетическому*, отражающему все богатство и многообразие языковой концептуализации мира посредством постоянного развития, семантико-ассоциативного “разветвления” *однокоренных* слов. Каждая *однокоренная* лексема в этом словообразовательном континууме выполняет функцию репрезентации новой культурной информации, способствует созданию единой словообразовательной сети (деривационного каркаса) русской языковой картины мира, каждый фрагмент (или ячейка, узел) которой представляет собой *словообразовательную “семью”* однокоренных единиц и отражает семантико-культурные тенденции и направления развития всех релевантных для культуры и социума единиц языка с учетом их национально-этнической значимости и ментальной ценности» [8].

Термин «деривация» ввел в 1930-х годах Е. Курилович для характеристики словообразовательных процессов. В словарях находим следующие определения данного понятия: «процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные» [9]; «образование новых слов при помощи словообразовательных средств и в соответствии со словообразователь-

ными моделями данного языка» [10].

В. В. Виноградов характеризует деривацию как «процесс создания новых слов путем комбинаций уже существующих слов или путем переосмысления их форм» [11]; Е. С. Кубрякова – как «процесс образования в языке любого вторичного знака, который может быть объяснен с помощью единицы, принятой за исходную, или выведен из нее путем применения определенных правил» [12].

Е. С. Кубрякова, С. В. Гринев, Л. Ю. Буянова дифференцируют термины «деривация» (создание любых вторичных знаков) и «словообразование» (образование вторичных знаков-слов). С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова приравнивают деривацию к словопроизводству, под которым понимают «образование новых слов» [13].

Деривационные процессы очень важны при формировании языковой картины мира. Они связаны с отражением человеческого опыта, а исследование этих процессов «уточняет специфику создания картины мира, способствует выработке общих положений о специфике понимания человеком главных категорий бытия и особенностей мироздания» [14]. По Е. С. Кубряковой, «нет ничего более естественного, чем анализ деривационных явлений с когнитивных позиций: очевидно, что именно соотнесение этих явлений с процессом познания и закрепления его результатов позволяет наблюдать, с одной стороны, в каких формах протекали познавательные процессы в языке, а с другой – как менялся язык под воздействием этих процессов и как происходило его постоянное обогащение и развитие по мере их осуществления» [15].

Язык есть важнейшее средство формирования и передачи знаний человека о мире. Отражая в процессе деятельности объективный мир, человек фиксирует в слове результаты познания. Совокупность этих знаний, запечатленных в языковой форме, именуют: *языковой промежуточный мир*; *языковая репрезентация мира*; *языковая модель мира*; *языковая картина мира* [16]. Несмотря на многочисленность работ, на данный момент не существует общепризнанного определения понятия «языковая картина мира» (ЯКМ). Промежуточное положение языка между реальным миром и мышлением человека определяет основные характеристики ЯКМ.

По мнению В. И. Карасика, языковая картина мира «объективно отражает восприятие мира носителями данной культуры» [17]. Реальность (все элементы материального мира) объективна. Вследствие этого ЯКМ не может не быть объективной, но, представляя собой отражение действительности в языке посредством человеческого мышления, она в какой-то степени и субъективна. «Языковая картина мира, – уточняет С. Г. Тер-Минасова, – отражает реальность средствами языка, но не прямо, а через культурную картину мира (“язык как зеркало культуры”). Поскольку реальная картина мира представлена в сознании человека языковыми средствами, она объективирована языком и имеет только ту форму, которую “отразил” и создал – на базе культуры – национальный язык. Слово отражает не сам предмет реальности, а то его видение, которое навязано носителю языка имеющимся в его сознании понятием об этом предмете» [18].

Таким образом, можно сделать вывод, что концепт как вербально-деривационное единство

включает в себя все представления об анализируемом фрагменте действительности, отраженные в языке.

Литература

1. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 2004. С. 42–43.
2. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. М., 1997. С. 269.
3. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М., 2004. С. 20.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж, 2006. С. 24.
5. Чесноков П. В. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., 1967. С. 173.
6. Холодная М. А. Интегральные структуры понятийного мышления. Томск, 1983. С. 23.
7. Павленис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М., 1983. С. 241.
8. Буянова Л. Ю. Понятие, слово, концепт: от простого к сложному // Континуальность и дискретность в языке и речи. Краснодар, 2007. С. 49–52.
9. Лингвистический энциклопедический сло-

варь / ред. В. Н. Ярцева. М., 2002. С. 129.

10. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. М., 2006. С. 239.
11. Виноградов В. В. Вопросы теории и истории языка. М., 1952. С. 99–152. С. 114.
12. Кубрякова Е. С. Деривация, транспозиция, конверсия // Вопросы языкознания. 1974. № 5. С. 64.
13. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 731.
14. Борисова Т. Г. Деривационная категория вещественности в русистике: опыт теоретического описания. Ставрополь, 2006. С. 61.
15. Кубрякова Е. С. К построению типологии словообразовательных категорий // Актуальные проблемы современного словообразования. Томск, 2006. С. 91.
16. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2001. С. 64.
17. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 75.
18. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М., 2007. С. 22.

YE. G. AVDYSHEVA CONCEPT AS A LINGUISTIC UNIT: TO THE PROBLEM OF VERBAL AND DERIVATIONAL INTERPRETATION

It is known that concepts play an important role when studying national language and culture – mentality and the value system that is peculiar to every specific culture. The author of the article considers a concept as a verbal and derivational unity.

Key words: *concept, verbal and derivational unity, derivation, language picture of the world.*

Л. Б. БЕРБЕРОВА

РАЗУМНЫЙ АЛЬТРУИЗМ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Выявляя историко-культурные истоки альтруизма как этической категории, автор статьи рассматривает концепцию «разумного альтруизма» в рамках современной педагогической науки.

Ключевые слова: *педагогика, альтруизм, эгоизм, принцип «золотой середины».*

Современный этап общественного развития характеризуется резкой сменой ценностных основ жизни, небывалым ростом агрессивности, преступности, экстремизма и терроризма. Подспудная концентрация эгоистических, агрессивных чувств в обществе становится незримым источником и первопричиной конфликтов на разных уровнях – от локального до международного. В создавшихся условиях особую актуальность приобретает проблема воспитания у подрастающего поколения альтруистических качеств как важнейшей составляющей человечности.

Термин *альтруизм* впервые ввел в культурологическое поле французский философ, основатель позитивизма Огюст Конт (1798–1857), провозгласивший лозунг «Живи для других» в качестве основного принципа человеческого общежития. Данная категория понадобилась ученому для закрепления аутентичного понятия, прямо противоположного понятию *эгоизм*. Другими словами, система морально-этической философии испытывала необходимость в бинарной оппозиции

эгоизм / альтруизм для выражения диалектического единства мира. Вот уже почти два столетия смыслоразличительная способность термина, введенного О. Контом, способствует более глубокому постижению нравственных основ человека и человечности. Свое законное место категория *альтруизм* занимает и в сфере педагогической науки, позволяя очертить то воспитательное поле, где пересекаются интересы этики и высшей духовности.

Широта смыслового диапазона категории *альтруизм*, его сложность, неоднозначность, противоречивость превращают его в объект педагогической науки, призванной определить границы *разумного альтруизма*, способного стать важнейшей составляющей образовательно-воспитательного процесса. Об отсутствии дифференцирующих критериев можно судить по многочисленным публикациям в сети Интернет. «Альтруизм – это хорошо или плохо?», «Альтруизм – неоднозначное благо», «Хорошо ли быть альтруистом?» – подобные заголовки показывают, что на когнитивном